

На правах рукописи

Боруруева Наталья Валерьевна

**ПОИСК КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ
ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ МАГРИБИНСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ (САЛИМ БАШИ, МАЛИКА МОКЕДДЕМ)**

10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2015

Диссертация выполнена на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент
Панова Ольга Юрьевна

Официальные оппоненты:

Прожогина Светлана Викторовна
доктор филологических наук, профессор,
Институт востоковедения Российской
академии наук, главный научный
сотрудник отдела сравнительного
культуроведения

Ариас-Вихиль Марина Альбиновна
кандидат филологических наук,
Институт мировой литературы им.
А.М. Горького Российской академии наук,
старший научный сотрудник архива

Ведущая организация:

Российский университет дружбы народов

Защита диссертации состоится «16» апреля 2015 г. в 16:00 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.25 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и на сайте www.philol.msu.ru

Автореферат разослан « __ » _____ 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

А.В. Сергеев

ПОИСК КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ МАГРИБИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (САЛИМ БАШИ, МАЛИКА МОКЕДДЕМ)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Франкоязычная литература — область мало изученная в России, при том что во Франции «франкофонные студии»¹, противопоставляемые «французским студиям», являются одним из активно развивающихся направлений литературоведения, с каждым годом привлекающим все больше исследователей. Несмотря на пессимистичные прогнозы периода деколонизации, число франкоязычных писателей только увеличивается, не в последнюю очередь за счет авторов-мигрантов во Франции и странах франкоязычного пространства. В работе рассматривается творчество двух современных франкоязычных авторов алжирского происхождения Салима Баши и Малики Мокеддем. Эти авторы, чей творческий путь начался во Франции, принадлежат двум различным возрастным и творческим поколениям, однако они затрагивают схожие темы и интересуются схожими проблемами, в частности, проблемой идентичности.

Как было доказано в многочисленных исследованиях, в произведениях франкоязычных авторов напрямую отражается их межкультурное положение. Авторы культурного пограничья обладают «идентичностным сверхсознанием», определяемым особым вниманием к теме культурной и национальной идентичности. Желание поделиться собственным межкультурным опытом «от лица очевидца» часто является первым мотивом, побуждающим их к письму (отсюда обилие автобиографий и автобиографических романов во франкоязычной литературе). Однако исследователи редко обращают внимание на тот факт, что франкоязычные авторы изначально

¹ Мы будем использовать слова «франкофония» и «франкоязычие», «франкофонный» и «франкоязычный» в качестве синонимов. Нам представляется сложным в полной мере русифицировать эти слова не только из-за наличия устоявшегося в русском языке термина «франкофония» («организация Франкофонии» и т.д.), но также из-за потери языковых нюансов, имеющих в некоторых случаях принципиальное значение (например, противопоставление франкофонии и франкографии). В целом, мы отдаем предпочтение термину «франкофонный», когда следует подчеркнуть специфику франкоязычной литературы по отношению к литературе французской (например, «франкофонные исследования», «франкофонная литературная система»), а термин «франкоязычный» в более нейтральных контекстах.

находятся в двойственном положении по отношению к «франко-французским» писателям. С одной стороны, литературная франкофония воспринимается как периферийное явление французской литературы в пространственном и оценочном плане. С другой — франкоязычные авторы обладают особыми рычагами, при помощи которых им легче добиться успеха в поле французской литературы. Тема идентичности — один из таких своеобразных рычагов. Приемы письма и методы построения образа культурной идентичности превращаются в стратегии (не всегда осознанные), используя которые, авторы приобретают больше шансов быть замеченными французским центром. В данной работе на материале нескольких романов отслеживаются стратегии построения идентичности и выявляются модели идентичности в творчестве двух вышеназванных авторов.

Степень изученности вопроса. Салим Баши и Малика Мокеддем — авторы, которых относят к так называемому ареалу франкофонии, пространству распространения французского языка за пределами Франции. По мнению Ксавье Денио, ставшему впоследствии общепринятым, слово «франкофония» впервые употребил географ Онезим Реклюс² в 1880-е годы в труде «Франция, Алжир и колонии»³. Оно встречалось крайне редко вплоть до выхода в свет специального номера журнала «Esprit» за ноябрь 1962 года⁴. Дальнейшее появление работ, посвященных непосредственно франкофонии (например, «Франкофония» Огюста Виатте⁵ в 1969 году), свидетельствует о широком распространении понятия в научном и повседневном дискурсе. Ксавье Денио дает развернутое определение франкофонии, выделяя несколько вкладываемых в это понятие смыслов: географический (страны,

² Deniau, X. *La francophonie*. P. : PUF, 1983. P. 7.

Даниэль Баджони отмечает, что первое употребление у Реклюса обнаружил бельгийский лингвист М. Пирон, однако, другие авторы, например, Доминик Комб, ссылаются в первую очередь на Денио. См.: Baggioni, Daniel. *Éléments pour une histoire de la francophonie (idéologie, mouvements, institutions)*. // *Le français dans l'espace francophone*. T. 2: description linguistique et sociolinguistique de la francophonie / Sous la dir. de Didier de Robillard et Michel Beniamino. P. : Champion, 1993-1996. P. 794.

³ Reclus, O. *France, Algérie et colonies*. P. : Hachette, 1886. P. 422.

Об особенностях употреблении термина у О. Реклюса см. Chaudenson, Robert. 1989 : *Vers une révolution francophone ?* P.: L'Harmattan, 1989. P. 20-25 ; Pinhas, Luc. *Aux origines du discours francophone*. // *Communication et langages*. — 2004. — N°140. — P. 69-82.

⁴ Несмотря на гипотезу Ксавье Денио, слово «франкофония» употребляется в журнале как общеизвестное, без каких-либо предварительных определений. Ср. упоминание в предисловии: «Мы хотели лишь оценить масштабы франкофонии, не превращая ее в ни национальную цель, ни в замену разбитого империализма, а, напротив, поместив ее в мировой контекст [...]». Bourniquel, C. Domelach, J.-M. *Le français, langue vivante*. // *Esprit*. — 1962. — №311. — P. 562.

⁵ Viatte, A. *La Francophonie*. P. : Larousse, 1969.

население которых в той или иной мере владеет французским языком); лингвистический (факт владения французским языком, региональные варианты языка и т.д.); «духовный» (дух французской культуры, «французскость»); наконец, институциональный⁶ (политические и иные организации, связанные с франкофонией)⁷. Географический, лингвистический и институциональный аспекты франкофонии, политическая история и социолингвистические «ситуации» франкофонии становились предметом подробных исследований и в России⁸, однако наша работа посвящена другой стороне явления.

Сегодня франкофония — это не только «политическая, лингвистическая», но и «литературная институция»⁹. Изучение литературы, создаваемой в странах франкофонии, началось вместе с ее зарождением (различные эпохи для разных стран), однако в отдельную дисциплину оформилось не сразу. В 1980 году Огюст Виатте — автор первого комплексного исследования истории франкоязычных литератур — писал: «Все больше и больше внимания университеты и школы франкоязычных стран уделяют своим национальным литературам. По большинству из них были составлены хорошие учебники, а историки французской литературы намечают пути сравнения, хотя и отводят франкоязычным литературам скромное место в приложениях. Несмотря на это, по-прежнему не существует общего обзора, если не считать работ, в которых эти литературы описываются отдельно друг от друга, по странам»¹⁰. Сегодня «франкофонные исследования» — одна из наиболее активно развивающихся областей литературоведения¹¹. После выхода в свет работы Огюста Виатте предпринимались неоднократные попытки упорядоченного исторического и тематического описания

⁶ О становлении институциональной франкофонии см.: Baggioni, D. *Eléments pour une histoire de la francophonie (idéologie, mouvements, institutions)*. // *Le français dans l'espace francophone*. T. 2: description linguistique et sociolinguistique de la francophonie / Sous la dir. de Didier de Robillard et Michel Beniamino. P. 789-806.

Слово Франкофония часто пишется с заглавной буквы, если речь идет об институциональном значении.

⁷ Deniau, X. *Op. cit.* P. 14-22.

⁸ См.: Пономаренко, Л. В., Лаврова, Е. В. *Франкофония: исторический опыт и тенденции современного развития*. М.: Российский университет дружбы народов, 2007; Беннетт, Н. Д. *Франкофония и мировая культура*. М.: Спутник+, 2003, а также сборники: *Российская Франкофония: Revue de l'Association des professeurs de Français en Russie*. М.: МГЛУ, 2001; *Российская франкофония: Материалы XII сес. Рос. ассоц. преподавателей фр. яз. (APFR)*, Москва, 14-15 сент. 1999 г. М.: МГЛУ, 2000.

⁹ Moura, J.-M. *Littératures francophones et théorie postcoloniale*. P. : PUF, 2007. P. 5.

¹⁰ Viatte, A. *Histoire comparée des littératures francophones*. P. : Nathan, 1980. P. 3.

¹¹ Об окончательной институционализации «франкофонных исследований» свидетельствует повсеместное появление центров изучения франкоязычной литературы в университетах: Paris IV (Centre International d'Etudes Francophones), Paris XIII (Centre d'études littéraires francophones et comparées), Rennes II (Centre d'études des littératures et civilisations francophones); регулярное проведение конференций по франкоязычной литературе и т.д.

франкоязычных литератур, а также их изучения с опорой на различные методы и теории литературоведения, например, компаративный метод (сборники «Магрибинская литература и мировая литература»¹², «Сравнительное литературоведение и методика изучения франкоязычного текста»¹³) или применение к текстам теории постмодернизма (работы Марка Гонтара)¹⁴.

С середины 1990-х годов франкоязычные литературы как относительно недавно сложившееся явление переживают период обширного теоретического осмысления. Исследователи отмечают, что до появления трудов «Франкоязычная поэтика» (1995) Доминик Комб и «Литературная франкофония» (1999) Мишеля Бениамино у «франкофонистов» не было ни единой научной базы, ни четко определенного объекта исследования¹⁵. В 1999 году Жан-Марк Мура продолжает начатую разработку теоретической базы, предлагая рассматривать ряд проблем франкоязычной литературы в рамках постколониальных исследований, ранее не прижившихся во Франции. Объектом постколониальных исследований становится не вся литературная франкофония, а лишь литература ареалов, переживших период колонизации¹⁶.

Поиск и определение объекта исследования и ответа на вопрос, имеет ли понятие «франкоязычная литература» объективную специфическую сущность, — одно из основных направлений теоретических изысканий в рамках «франкофонных штудий». Этот вопрос тесно связан с проблемой статуса франкоязычной литературы в иерархии «мировой литературы» и, как следствие, статуса самих франкоязычных исследований. Одновременно с укреплением позиций франкоязычной литературы теория служит и для легитимации ее изучения: «Задача университетских ученых частично заключается в демонстрации того, что франкоязычные литературы — это не "химера", а реальный объект исследования. Крупные теоретические проекты были начаты для того, чтобы

¹² Littérature maghrébine et littérature mondiale / Sous la dir. de Chales Bonn et Arnold Rothe. Würzburg : Königshausen und Neumann, 1995.

¹³ Littérature comparée et didactique du texte francophone / Centre d'études littéraires francophones et comparées, Paris XIII, groupe d'études maghrébines, université de Rabat. P. : L'Harmattan, 1999.

¹⁴ Gontard, M. Le roman postmoderne : une écriture turbulente [ressource électronique], 2003. URL: http://halshs.archives-ouvertes.fr/docs/00/02/96/66/PDF/Le_Roman_postmoderne.pdf (consulté le 01.09.2012)

¹⁵ Halen, P. Le « système littéraire francophone » : quelques réflexions complémentaires. // Études littéraires francophones : état des lieux : actes du colloque, 2-4 mai 2002. Villeneuve-d'Ascq : Éd. du Conseil scientifique de l'Université Charles-de-Gaulle-Lille 3, 2003. P. 25.

¹⁶ Moura, J.-M. Op. cit. P. 42-43.

обосновать наличие внутренней сущности этой категории»¹⁷. «Франкофонные штудии» на волне повышенного интереса к «перифериям» и маргинальным явлениям пытаются утвердить свою значимость за счет пересмотра традиционного определения национальной литературы, лингвистических и географических границ литературных полей: повсеместное возникновение не поддающихся классификации «перемещенных» и «мигрирующих» литератур может, согласно «франкофонному» дискурсу, в будущем привести к пересмотру целесообразности классификации литератур по странам, регионам, языкам¹⁸.

В настоящее время «франкофонные штудии» оперируют не какой-либо единой теоретической парадигмой, а скорее набором понятий, позаимствованных из постструктурализма (Деррида, Делез), работ Эдуара Глиссана и ряда других гуманитарных дисциплин (социологии, лингвистики, психоанализа, философии и т.д.), что сделало возможным, например, создание «Словаря базовых концептов франкофонных исследований»¹⁹, в котором можно найти самые популярные понятия франкофонии (алиенация, инаковость, центр и периферия, креолизация, децентрация, территориализация и т.д.).

Магрибинская франкоязычная литература, литература магрибинских мигрантов и второго поколения мигрантов («бёров») рассматривается как часть франкоязычной литературы. Принято считать, что магрибинская франкоязычная литература (в отличие от колониальной литературы XIX — первой половины XX века) зародилась в 1950-е годы, несмотря на наличие более ранних публикаций (например, поэзия Жана Амруша²⁰). В библиографии 1979 года Жан Дежё отмечает, что «до 1945 года нельзя назвать почти ни одного значительного произведения, написанного алжирцами [...]. В действительности, поколение 52 года, как его называли на уровне всего Магриба, родилось вместе с произведениями Альбера Мемми в Тунисе, Мохаммеда Дибба и

¹⁷ Littérature francophone 1 : Le roman / Sous la dir. de Charles Bonn et Xavier Garnier. P. : Hatier, 1997. P. 13.

¹⁸ Bonn, Ch. Littérature comparée et francophonie : un mariage à risques ? // Littérature comparée et didactique du texte francophone. P. : l'Harmattan, 1999. P. 9.

¹⁹ Vocabulaire des études francophones : les concepts de base / Sous la dir. de M. Beniamino et L. Gauvin. Limoges : Presses Universitaires de Limoges, 2005.

²⁰ Список алжирских франкоязычных авторов с 1900 по 1945 годы приведен, например, в приложении к библиографии Жана Дежё: Déjeux, Jean. Bibliographie méthodique et critique de la littérature algérienne de la langue française 1945-1977. Alger : Société Nationale d'Édition et de Diffusion, 1979. P. 271-177.

Мулуда Маммери в Алжире, Дриса Шрайби и Ахмеда Сефруи в Марокко, хотя "Сын бедняка" Мулуда Ферауна вышел в свет в 1950 году за счет автора»²¹. В 1996 году Жак Нуаре выделяет в истории молодой магрибинской литературы уже три поколения писателей: поколение основателей (Мулуд Фераун, Альбер Мемми, Мохаммед Диб, Мулуд Маммери, Дрис Шрайби, Катеб Ясин и др.), поколение 1970-х годов (Ассия Джебар, Набиль Фарес, Рашид Буджедра, Тахар Бенджеллун и др.), поколение 1980-х годов и позже (Рашид Мимуни, Тахар Джаут, Абдельвахаб Меддеб и др.)²². Жан Дежё (1921-1993) считается первооткрывателем²³ и основоположником изучения франкоязычной магрибинской литературы во Франции. Его первая работа «Взгляд на магрибинскую литературу на французском языке» датируется 1957 годом²⁴. В 1963 году Абделькебир Катиби, Арлет Рот, Жаклин Арно и Жан Дежё под руководством Альбера Мемми (первая группа исследователей магрибинской культуры) готовят к публикации антологию франкоязычных магрибинских писателей, ставшую первой университетской работой, полностью посвященной этой литературе. Первая диссертация о магрибинском романе была защищена в 1965 году Абделькебиром Катиби (который и сам стал впоследствии писателем). В 1979 году критическая библиография Жана Дежё по магрибинской литературе насчитывала 1102 позиции (включая периодические издания, специальные номера журналов, статьи и т.д.). На сегодняшний день магрибинской (особенно, алжирской) литературе посвящено немало публикаций: сборники статей²⁵, «акты» конференций²⁶, монографии²⁷ и т.д.

²¹ Déjeux, J. Bibliographie méthodique et critique de la littérature algérienne de la langue française 1945-1977. P. 7.

²² Noiray, J. Littératures francophones I : Le Maghreb. P. : Belin, 1996. P. 14-15.

²³ Эту роль первооткрывателя подчеркивает, в частности, Шарль Бонн: Bonn, Ch. Jean Déjeux. URL : <http://www.limag.refer.org/Pagespersonnes/dejeuxNoticeBioParMoi.PDF> (consulté le 25.11.2014).

²⁴ Déjeux, J. Regards sur la littérature maghrébine d'expression française. P. : Études sociales nord-africaines, 1957.

²⁵ Например: Chikhi, B. Figures tutélaires, textes fondateurs. Francophonie et héritage critique. P. : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2009 и др.

²⁶ Например: Algérie: nouvelles écritures: colloque international de l'Université York, Glendon, et de l'Université de Toronto, 13-14-15-16 mai 1999 / sous la dir. de Charles Bonn, Najib Redouane & Yvette Bénayoun-Szmidt. P., Budapest, Torino : L'Harmattan, 2001 ; Migrations des identités et des textes entre l'Algérie et la France dans les littératures des deux rives: actes du Colloque « Paroles déplacées » tenu à l'École normale supérieure Lettres et sciences humaines de Lyon, du 10 au 13 mars 2003 / LERTEC, Université Lumière-Lyon 2 ; sous la dir. de Charles Bonn. P. : L'Harmattan, 2004 ; Échanges et mutations des modèles littéraires entre Europe et Algérie: actes du Colloque « Paroles déplacées » tenu à l'École normale supérieure Lettres et sciences humaines de Lyon, du 10 au 13 mars 2003 / LERTEC, Université Lumière-Lyon 2 ; sous la dir. de Charles Bonn. P. : L'Harmattan, 2004.

См. электронную базу данных по магрибинской литературе на сайте www.limag.com.

²⁷ Например: Chikhi, B. Maghreb en textes : écriture, histoire, savoirs et symbolisme. P. : L'Harmattan, 1996; Chikhi, B. Littérature algérienne : désir d'histoire et esthétique. Montréal : L'Harmattan, 1997; De Toro, A. Epistémologies : le Maghreb : hybridité, transculturalité, transmédialité, transtextualité, corps, globalisation, diasporisation. L'Harmattan, 2009; Sabri, N. La Kahéna : un mythe à l'image du Maghreb. L'Harmattan, 2011; Ben Abda, S. Figures de l'altérité :

Одним из актуальных направлений в магрибинском литературоведении является изучение женского письма в рамках гендерных и социологических исследований. Жан Дежё посвятил женскому письму одну из своих последних работ²⁸. В настоящее время литературу женщин-писательниц Алжира, Туниса и Марокко изучают Агар-Мандус, Арезки, Шоле-Ашур, Нахловски²⁹. Отдельно следует упомянуть существование ангажированных социально-исторических интерпретаций магрибинской литературы, как, например, в работе Мохамеда Бугера «История литературы Магриба»³⁰.

В отличие от зарубежного литературоведения, где в настоящее время акцент делается на специфику франкоязычных литератур и франкоязычного мировоззрения как особого явления, российское литературоведение склонно рассматривать франкоязычные литературы в контексте национальных литератур на автохтонных языках. Отечественные исследования франкоязычной магрибинской литературы развивались параллельно с французскими, несмотря на отсутствие регулярных контактов между российскими и французскими учеными³¹. Кандидатская диссертация С.В. Прожогойной «Современная франкоязычная литература Марокко и Туниса» была защищена в 1967 году, всего два года спустя после защиты Абделькебира Катиби. В 1968 году была опубликована книга «Литература Марокко и Туниса»³² того же автора. Труд «Франкоязычная литература стран Магриба»³³ С.В. Прожогойной вышел в свет в 1973 году, одновременно с работой Шарля Бонна «Алжирская литература на французском языке и ее прочтения»³⁴. В дальнейшем С.В. Прожогина провела работу по описанию франкоязычных литератур Алжира, Туниса и Марокко, создаваемых как

analyse des représentations de l'altérité occidentale dans des romans arabes et francophones contemporains. L'Harmattan, 2011.

²⁸ Déjeux, J. La littérature féminine de langue française au Maghreb. P.: Karthala, 1994.

²⁹ Агар-Мандус, Т. Violence et créativité de l'écriture algérienne au féminin. L'Harmattan, 2006; Арезки, Д. Romancières algériennes francophones : langue, culture, identité. Biarritz : Séguier, 2006; Чаулет-Ашур, Ш. Noûn, Algériennes dans l'écriture. Biarritz : Atlantica, 1998; Чаулет-Ашур, Ш. Écritures algériennes : la règle du genre. L'Harmattan, 2012; Фархуд, С. Interventions autobiographiques des femmes au Maghreb : écriture de contestation. NY : Peter Lang, 2013; Хууге, Л. Écrits sous le voile : romancières Algériennes francophones : écriture et identité. Paris : Publisud, 2001; Нахловски, А.-М. La femme au livre : les écrivaines algériennes de langue française : itinéraires d'une reconstruction de soi dans les relais d'écriture romanesque. L'Harmattan, 2010.

³⁰ Bouguerra, M.R. Histoire de la littérature du Maghreb: littérature francophone. P.: Ellipses, 2010.

³¹ См. предисловие Робера Жоанни к сборнику статей «Русский взгляд на франкоязычную литературу»: S. Regards russes sur les littératures francophones / Jouanny, R. Nikiforova, I. Projoghina. P., Montréal : L'Harmattan, 1997.

³² Прожогина, С.В. Литература Марокко и Туниса. М.: «Высшая школа», 1968.

³³ Прожогина, С.В. Франкоязычная литература стран Магриба. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973.

³⁴ Bonn, Ch. La littérature algérienne de langue française et ses lectures. Ottawa : Editions Naaman, 1974.

на территории Магриба, так и писателями-иммигрантами во Франции и представителями второго поколения иммиграции, подробно изучила историю этих литератур, выявила их специфику. Франкоязычную литературу стран Магриба также изучали И. Никифорова³⁵, Г. Джугашвили³⁶, В. Силин, Н. Лесова³⁷. Среди трудов С.В. Прожогойной, имеющих прямое отношение к теме настоящей работы, посвященной проблеме идентичности, отметим монографию «Новые идентичности (быть или не быть западно-восточному "синтезу": из опыта франко-магрибинских контактов и конфликтов)»³⁸ (2012), где говорится об актуальных проблемах иммиграции, интеграции, раскола и воссоздания идентичности, а также различных вариациях идентичностей франко-магрибинцев. Мы попытались дополнить размышления С.В. Прожогойной о разнообразии новых видов идентичностей, обратившись к новому материалу и к более подробному анализу конкретных литературных произведений.

Актуальность исследования. Франкоязычную литературу магрибинского происхождения нередко называют «литературой идентичности». Несмотря на спорный характер этого понятия³⁹, проблема культурной и национальной идентичности в произведениях магрибинских франкоязычных писателей не раз становилась предметом научных исследований, поскольку особенности этой литературы напрямую связаны с идентичностью, находящейся на границе нескольких культур. Эти исследования сопровождаются размышлениями о гибридной, метисной, межкультурной идентичности как самих писателей, так и их персонажей⁴⁰, однако, за

³⁵ Никифорова, И.Д. Литература национального возрождения: О творчестве современных писателей Марокко, Туниса, Алжира. М.: «Знание», 1968; Никифорова, И.Д. Современный алжирский роман // Критический реализм XX века и модернизм. М.: «Наука», 1967; Актуальные проблемы изучения литератур Африки / Ред. И. Д. Никифорова ; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. Москва: Наука, 1969.

³⁶ Джугашвили, Г. Я. Алжирский франкоязычный роман. М.: Наука, 1976.

³⁷ См. *Regards russes sur les littératures francophones* / Jouanny, R. Nikiforova, I. Projoghina. P., Montréal : L'Harmattan, 1997.

³⁸ Прожогойная С.В. Новые идентичности (быть или не быть западно-восточному «синтезу»: из опыта франко-магрибинских контактов и конфликтов). М.: 2012. В этой работе автор опирается на труды франкоязычных писателей и социологов, в частности, Азуза Бегага, Амина Маалуфа и др.

³⁹ Bonn, Ch. "Littératures de la colonisation", "littérature d'identité", ou ... littérature ? Le cas de la "littérature maghrébine" "de langue française". // *Écritures maghrébines, lectures croisées*. Casablanca : Afrique-Orient, 1991. P. 21. В этой статье Шарль Бонн размышляет о том, что не только магрибинская, но любая литература говорит об идентичности и является источником индивидуальной, национальной и культурной идентичности.

⁴⁰ Так, С.В. Прожогойная отмечает: «для предмета моих исследований на протяжении вот уже сорока лет приходится отмечать эту особую рода «смешанность», «нечистоту» (в лабораторном смысле) культурного типа, композитную *разнородность* элементов, составляющих его *духовность*». Прожогойная С. В. Новые

редким исключением, их авторы не приводят подробного текстуального анализа, на основе которого можно было бы говорить о реальном существовании различных моделей идентичности и стратегий идентификации в магрибинском франкоязычном романе. Данная работа восполняет этот пробел. Помимо этого, франкоязычные авторы, находясь в самом центре межкультурного взаимодействия, по-своему переосмысливают проблемы иммиграции, интеграции, метисации, политики мультикультурализма и т.д., конструируя новые модели идентичности, актуальные в мультинациональном обществе. Таким образом, подробное изучение франкоязычных литератур, и в частности литературы франко-алжирского пограничья, может помочь не только в описании современного состояния мирового литературного процесса, но и в понимании наиболее актуальных глобальных проблем современности.

Объект и предмет. Объектом исследования являются произведения франкоязычных авторов алжирского происхождения Салима Баши и Малики Мокеддем, существующие одновременно в двух литературных полях; предметом исследования — особенности межкультурной идентичности и моделей идентичности, конструируемых названными авторами.

Цели и задачи. Целью исследования является выявление и описание различных моделей культурной идентичности в произведениях авторов одного франкоязычного ареала. В процессе исследования были сформулированы и решены следующие задачи:

1. выявить закономерности построения моделей культурной идентичности и стратегий идентификации у авторов франко-магрибинского культурного порубежья на материале творчества двух франко-алжирских писателей — Салима Баши и Малики Мокеддем;
2. установить связь выявленных закономерностей с культурно-историческим контекстом и специфическим положением авторов на границе нескольких культур;
3. проанализировать литературные приемы, с помощью которых авторы конструируют свои представления о культурной идентичности;
4. определить путем сравнительного анализа наличие сходств и различий в создаваемых авторами моделях идентичности и стратегиях идентификации.

идентичности (быть или не быть западно-восточному «синтезу»: из опыта франко-магрибинских контактов и конфликтов). С. 57.

Методологическая основа. В настоящей работе мы опирались на историко-литературоведческий, сравнительно-типологический и историко-культурный подходы в сочетании с текстуальным анализом (выделение тем и мотивов, структурный анализ сюжета и композиции, изучение тропов и семантики текста) и контекстуальным изучением. Материал также анализировался в интердисциплинарном контексте: обращение к опыту других дисциплин — социологии и социальной психологии — позволило обогатить и дополнить литературоведческий анализ⁴¹.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Авторы культурного пограничья, в частности авторы-мигранты, обладают «идентичностным сверхсознанием»: проблема культурной идентичности становится для них важнейшим предметом рефлексии; они конструируют свои собственные модели идентичности в качестве ответа на окружающий социально-политический и литературный контекст (положение в пространстве франкофонии). Это не противоречит суждению о том, что, по сути, любая литературная традиция является выражением определенного рода идентичности.
2. В произведениях франкоязычных авторов одного литературного ареала можно выделить не одну, но несколько моделей культурной идентичности, пересекающихся, но различных между собой.
3. Выявлены две модели идентичности в творчестве современных франкоязычных писателей алжирского происхождения: транскультурная идентичность (представленная в романах Салима Баши) и пограничная идентичность (представленная в романах Малики Мокеддем).
4. В построении литературных моделей идентичности авторы используют стратегии идентификации, основанные на традиционных риторических (различные фигуры стиля) и постмодернистских литературных приемах

⁴¹ В процессе написания работы, помимо использования научных трудов по литературе и источников, мы обращались к трудам по социальной психологии и социологии (проблема культурной идентичности, процессы идентификации, гендерная проблема, культурные меньшинства), откуда мы позаимствовали понятия стратегий идентификации, множественной идентичности, социальных репрезентаций и т.д. (работы Женевиэвы Венсонно, Жана-Лу Ансельма, Кармеля Камильери, Силвен Агасински, Грега Мэдисона и др.). Мы также опирались на эссе философов, социологов, литературоведов: Эдуара Глиссана, Патрика Шамуазо, Франца Фанона, Цветана Тодорова, Эдварда Саида, Жили Делеза и Феликса Гваттари, Жака Рансьера, Пьера Бурдьё, Паскаль Казанова, эссе Амина Маалуфа, Альбера Мемми и Салмана Рушди.

(интертекст); важнейшую роль в их произведениях приобретает автофикция как рефлексия над своим собственным межкультурным опытом.

5. Создание новых моделей идентичности связано не только с историческим контекстом, но и с проблемным положением самих франкоязычных авторов в структуре франкоязычной литературы (считающейся периферией французской) и в «мировой республике словесности»; они используют различные стратегии ассимиляции и дифференциации, чтобы получить признание во «франко-парижском» центре (отклик на актуальные события, обращение к стереотипам) и войти в мировую литературу (обращение к «универсальным» мифам и образам).
6. Франко-магрибинские авторы, вписываясь в западное течение постмодернизма, сохраняют свою специфику, связанную с их пограничным культурным положением.

Научная новизна. В отечественном литературоведении проблемы творчества магрибинских франкоязычных писателей изучаются в рамках национальных литератур стран Магриба. Тот факт, что эти литературы являются частью другого важнейшего литературного комплекса — франкоязычной литературы, — остается в тени. Данная работа рассматривает творчество франко-магрибинских писателей через призму франкофонии. Мы выделяем особенности творчества двух крупных современных писателей-иммигрантов, мало изученных в России. В работе впервые проводится исследование романов Салима Баши и Малики Мокеддем с целью сравнения создаваемых авторами моделей культурной идентичности. Один из романов Салима Баши впервые подробно описан и проанализирован в отечественном литературоведении.

Теоретическая значимость работы определяется началом разработки типологии моделей культурной идентичности в литературе культурного пограничья.

Практическая значимость. Диссертация создает базу для дальнейшего изучения и составления типологии моделей идентичности в творчестве писателей-иммигрантов и других франкоязычных авторов. Ее результаты могут быть использованы при составлении обобщающих работ, учебных пособий и программ, чтения курсов как по французской и франкоязычной литературам, так и по литературе стран Магриба.

Апробация. Промежуточные итоги работы подводились на заседаниях кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, а также обсуждались в Международном центре франкофонных исследований (CIEF) университета Sorbonne-Paris IV (Париж) в присутствии ведущих специалистов по франкоязычной литературе (Беида Шикхи, Анн Дуэр-Банни, Ромуальд Фонкуа). Основные результаты исследования отражены в трех публикациях в рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** дается общая характеристика работы, описывается история вопроса, а также дается рабочее социально-психологическое определение идентичности.

В **первой главе «Литературная франкофония как объект полемики»** обозначены основные проблемы, встающие перед исследователями и авторами франкоязычной литературы и связанные с определением этой литературы, поиском ее границ и обоснованием ее статуса по отношению к французской литературе. **1.1. Термин и определение.** Литературная франкофония объединяет литературную продукцию стран, очень разных в географическом, социологическом, культурно-историческом плане. Различные классификации стремятся упорядочить «хаос» франкоязычной литературы, объединённой, казалось бы, лишь общим языком. Самые простые попытки упорядочивания — выделение во франкофонном пространстве ареалов «Севера» (Бельгия, Швейцария, Канада и т.д.) и «Юга» (Африка, Магриб, Карибские острова и т.д.), а также комплекса постколониальных литератур. Различные критерии используются для определения франкоязычных литератур: литературы в ситуации языкового контакта (многоязычия), литературы на французском языке, написанные авторами, не являющимися французами по национальности, и др., однако ни один из предлагаемых критериев не может охватить франкоязычную литературу во всей ее

полноте. Целостность комплекса франкоязычных литератур ставится под сомнение. Помимо этого, выражение «франкоязычная литература» имеет негативную коннотацию, которая объясняется особым положением этой литературы в «мировой республике словесности» (П. Казанова).

1.2. Проблема статуса. Проблема статуса франкоязычной литературы связана с пространственно-оценочной и политически окрашенной дихотомией центр-периферия. Франкоязычная литература считается периферийной, «малой», а следовательно менее значимой в символическом плане по отношению к французской литературе (франко-парижский центр), что и является источником отрицательного отношения к самому термину («ярлык франкофонии», «гетто франкоязычия»), в первую очередь, со стороны самих франкоязычных авторов, провозглашающих себя «просто писателями». В постоянном переделе границ между центром и периферией, стремлении писателей попасть в мир литературы, минуя коллективную «франкофонную» идентичность, заключается политика франкоязычной литературы как символический передел территории «значимого» (Ж. Рансьер).

1.3. Литература мира и мировая литература. В целях пересмотра негативной характеристики, имплицитно заложенной в понятии «франкофония», в 2007 году писатель Мишель Ле Брис вводит новый термин «литература мира» (*littérature-monde*) с оглядкой на крайне неоднозначный термин «мировая литература» и обыгрывая всевозможные значения слова «мир». Символический капитал литературы, помимо прочего, обуславливается ее выходом на мировой уровень (попадание в канон «избранного» мировой литературы или, например, выход на международный рынок). Если ранее считалось, что франкоязычная литература попадает в область мировой литературы через литературу французскую (посредством символической «сакрализации» в ее поле), то теперь «литература мира на французском языке» Мишеля Ле Бриса причисляется к мировой литературе напрямую, минуя этот этап, и, более того, занимает ведущую позицию в рамках мирового литературного процесса. Несмотря на формальное провозглашение отказа от иерархий, в манифесте «За литературу мира» автор создает новые иерархии, и, в частности, во главу иерархии он ставит пограничные литературы на различных языках.

1.4. Литературное поле. Отсутствие четкого определения франкоязычной литературы порождает проблему ее классификации и каталогизации, усугубляемую тем фактом, что это наднациональное

явление нельзя рассматривать в рамках традиционного деления литератур по национальному принципу: она не относится в полной мере ни к национальной, ни к французской литературе. Для описания ее пограничного положения нередко прибегают к социологическому понятию литературного поля Ж. Бурдьё: франкоязычная литература определенной страны находится в области пересечения французского и локального литературных полей, развиваясь одновременно в двух полях (например, издание, основные каналы распространения, массовая рецепция во Франции; распространение и изучение, а в некоторых случаях цензура и запрещение в странах «происхождения»).

1.5. Мигрирующие литературы и «мигритюд». Особняком во франкоязычном пространстве стоят авторы так называемых мигрирующих литератур, творчество которых также выходит за рамки традиционных классификаций: для этих авторов-мигрантов тематической и эстетической основой творчества становится физическое и/или символическое движение (не каждый автор-иммигрант создает «мигрирующую литературу»). Понятие культурной/индивидуальной/коллективной идентичности оказывается ключевым в определении этого рода литературы. В произведениях мигрантов отражается поэтика «мигритюда» (Ж. Шеврие), для которой характерны фрагментарность, полифоничность, интертекстуальность, а также темы потери памяти, движения, культурной метисации, множественной идентичности и т.д. В качестве жанрового обозначения их произведений вводится термин «номадический роман». По многим критериям изучаемые в диссертации тексты подпадают под определение мигрирующих литератур.

1.6. Франкофонная литературная система. Проблему объединяющего фактора франкоязычных литератур решает исследователь Пьер Ален, разрабатывая теорию «франкофонной литературной системы». По его мнению, самобытность франкоязычной литературы как единого целого определяется ее детерминированностью франко-парижским литературным полем, которая, в свою очередь, обусловлена отстаиванием или изображением франкоязычными авторами определенного типа идентичности. Наряду с франкофонной литературной системой П. Ален выделяет категории «обращенных» и «ассимилированных» авторов — франкофонов, полностью принадлежащих центру. Производство маркеров, или признаков, идентичности у всех этих писателей происходит благодаря наличию

«воображаемых зон идентификации» (zones imaginaires d'identification), «семиологических резервуаров», в которых они черпают образы и элементы дискурса, необходимые для построения образа *иной* культурной идентичности, наиболее востребованной во франко-парижском центре. В последующих главах мы выясняем, как Салим Баши и Малика Мокеддем, творчество которых относится к мигрирующим литературам, вышедшим из пространства «Юга», ощущают и позиционируют себя во франкоязычном пространстве, какие средства и стратегии используют для построения образа культурной идентичности.

Вторая глава «Салим Баши: диалектика Востока и Запада в поэтике постмодернизма» подразделяется на четыре части (**2.1. Транстекстуальность как метод письма; 2.2. Нарушение границ: приемы и мотивы; 2.3. Фактор разъединения; 2.4. Преодоление границ**). В творчестве Салима Баши можно выделить три «цикла»: цикл Цирты (романы, действие которых разворачивается в придуманном Баши «архетипическом» алжирском городе Цирта), религиозный цикл (обусловленный обращением к социально-религиозной тематике и проблеме терроризма) и цикл романов-лабиринтов с фрагментарным, игровым стилем. Данная глава посвящена структурным и тематическим особенностям «игрового» романа Салима Баши «Страсти и приключения Синдбада-Морехода» (2010) — это первый подробный анализ данного произведения, не считая статьи исследователя Али Шибани, появившейся на электронном ресурсе «La Plume francophone»⁴². Роман рассматривается с точки зрения его постмодернистской формы и идейной основы, связанной с трудами Эдуара Глиссана. Формальный постмодернизм и представленная в романе тематика превращаются в стратегии построения транскультурной идентичности. Литературные и культурные реминисценции структурируют произведение и открывают возможность многочисленных и многоуровневых прочтений. В первой части второй главы (**2.1. Транстекстуальность как метод письма**) мы изучаем типы транстекстуальности по классификации Ж. Женетта, присутствующие в романе, и делаем вывод о том, что транстекстуальность является для Салима Баши основным формальным методом построения художественного

⁴² Chibani, A. Sindbad et les mille et une mères suppléantes. // La Plume francophone [Ressource électronique] URL:<http://la-plume-francophone.over-blog.com/article-article-sans-titre-58715640.html> (consulté le 01.09.2012)

текста, лежащим в основе приема «двойного кодирования», и способом передачи смысловой составляющей романа. **2.2.1. Восточное и западное наследие в романе.** Интертекстуальные связи имеют принципиальное значение в поиске ключей к прочтению романа. Его гипотекст (тексты-источники) включает сказки «Тысячи и одной ночи», христианско-мусульманскую легенду о спящих отроках эфесских и другие тексты, среди которых не последнее место занимает «Одиссея». Сказки «Тысячи и одной ночи» называют «единственным произведением арабской литературы, несомненно, являющимся неотъемлемой частью западной культуры»⁴³, в то же время, легенда о спящих отроках, существующая сразу в двух культурах, приобретает особое значение «в контексте неизбежности развития диалога между христианами и мусульманами»⁴⁴. Образы Синдбада, Спящего, Пса и т.д., позаимствованные Салимом Баши в различных литературных традициях, являются композитными (так, Спящий и Синдбад сливаются с образом Улисса) и переосмысляются в духе современности: автор играет с литературными мифами, актуализируя их смысл. На уровне формального построения текста Баши стремится показать, насколько западная и восточная культуры взаимопроницаемы: реальных границ между ними не существует. **2.2.2. Построение пространства: Картаго как город-ризом.** Образ города Картаго, одного из центральных топонимов романа, места рождения нового Синдбада, отсылает одновременно к историческому Карфагену с его символикой гибели и падения, современному Алжиру, ассоциирующемуся с разрушением и насилием (наследие Карфагена), но также к городу Цирта из других произведений автора: «Пес Одиссея», «Кахина», «Двенадцать полуночных сказок» и т.д. Этот пространственный континуум на дискурсивном уровне соотносится с семантическим полем ада и огня. Салим Баши создает сложный смысловой конгломерат — город-ризому, открытую и подвижную систему, в которой сосуществуют противоположности, постоянно находящиеся в процессе дифференциации, различания; границы города, вбирающего в себя множество городов, расширяются. **2.2.3. Мотив путешествия.** Мотив путешествия — один из важнейших мотивов франкоязычной литературы и литературы «мигритюда», центральная тема

⁴³ Laveille, J.-L. Le thème du voyage dans les Mille et une nuit. Du Maghreb à la Chine. P. : L'Harmattan, 1998. P.11.

⁴⁴ Jourdan, F. La tradition des Sept Dormants. Une rencontre entre chrétiens et musulmans. P. : Maisonneuve et Larose, 1983. P.14.

творчества Баши. Мотив путешествия в исследуемом романе имеет различные функции. А. Шибани предлагает психоаналитическое толкование путешествия Синдбада как поиск героем символических фигур Отца и Матери: отца олицетворяет Спящий, а матерей — многочисленные женщины-возлюбленные персонажа. Но путешествие — это также пересечение границ, раскрывающее суть идентичности нового Синдбада, наделенного чертами современных «нео-номадов» и «абсолютных путешественников» (Я. Аббас), утверждающих подвижный тип идентичности как новый способ взаимодействия с миром. «Кочующая идентичность» укореняется в самом процессе перемещения и противопоставляется «духу оседлости», стремящемуся к укреплению границ. Эта идентичность не переживает кризиса при контакте с Другим, но свободно «примыкает» к любому чуждому пространству, не теряя своей сущности, в то время как бескомпромиссное чувство принадлежности приводит к различным проявлениям жестокости. **2.2.4. Прием двойничества и раздвоение идентичности.**

Нарушение границ идентичности обыгрывается в романе при помощи традиционного приема: введения в романное пространство двойников протагониста. Мы анализируем функции трех двойников Синдбада. Сказочный двойник-прототип, Синдбад из «Тысячи и одной ночи», постоянно ускользающий от своего рассказчика, выявляет опасности фиксированных репрезентаций (например, репрезентации Востока для «ориенталистов» по теории Э. Саида). Синдбад из сказки воспринимается как внешняя (социальная) репрезентация Синбада, доступная обществу, и опровергает идею примата внешнего образа над сущностью. Чернокожий Робинзон (классический двойник), персонаж-помощник героя, в образе которого сочетаются противоположности, воплощает принцип амбивалентности добра и зла и множественной идентичности. Наконец, мы отмечаем на основе анализа паратекста произведения (статей Салима Баши), что голос эмпирического автора, сливаясь с голосом персонажа, становится организующим принципом романа, в полифоничной и гибридной структуре которого создается пространство «идентификационного напряжения». Для создания этого напряжения автор прибегает к приему автофикции, который превратится у Малики Мокеддем в основу письма, полностью теряя характерную для творчества Баши игровую окрашенность. Например, автор повторно использует свои собственные публицистические тексты и дневниковые записи,

вставляя их фрагменты в роман иногда с небольшими, но символически насыщенными изменениями (прием коллажа) для трансформации фактуального текста в художественный.

Третья часть второй главы (3.2. Фактор разъединения) посвящена тематическому анализу образов Востока и Запада и вопросу столкновения культур. В романе особую значимость приобретают политико-исторические мотивы. Следует отметить, что автор не стремится воссоздать какую-либо политическую реальность, несмотря на упоминание известных имен и событий, но передать суть исторической ситуации, используя для изображения *политического* приемы иронии и сатиры (по мнению Баши, главная функция литературы — «подавать нам кривое зеркало»). Затрагивание области политического характерно в целом для литературы постколониального пространства, в особенности, стран Африки и Магриба.

3.2.1. Жестокость Запада. Салим Баши говорит о взаимной жестокости Востока и Запада, причина которой кроется в господстве «мышления системы» (Э. Глиссан). Логоцентричное западное «мышление системы», ассоциирующееся с оседлостью, противопоставляется «мышлению следа», символом которого становится номадизм, а идентичность-корень — идентичности-ризоме (Ж. Делез и Ф. Гваттари, Э. Глиссан). В романе эти два вида мышления символизирует образ станции метро с ее стальными структурами, выстроенной в городе-центре благодаря «порабощению других народов», и образ разветвленной схемы метро, отражающей многообразие мира на одной странице (постоянный для Баши образ «Книги стоянок»). Восток и Запад, не признающие ценности метисации и креолизации (метисация с непредсказуемым результатом), обречены на вечное возвращение жестокости, поскольку религиозная и светская власть оперирует элементами мышления системы: классификациями, категориями и иерархиями, а значит, создает неподвижные и четко определенные коллективные идентичности, зачастую сводящиеся к внешним репрезентациям, на границах которых неизбежно возникают конфликты. Запад отказывается принять свою собственную уже сложившуюся множественную идентичность. Салим Баши в сатирической манере критикует западные светские и религиозные власти за неприятие Других (в частности, мигрантов), излишнюю категоризацию индивидуальных явлений, приписывание мигрантам искусственно созданной коллективной идентичности с

единственным негативным маркером (например, североафриканцы-преступники), использование симулякров для достижения политических целей и т.д. Подмечая актуальные настроения и тенденции франко-парижского центра, Салим Баши говорит о «Других» Запада, объединяя тему жестокости с темой миграции. **3.2.2. Жестокость Востока.** Восток (Ближний Восток и Магриб) функционирует на основе тех же принципов, что и Запад, переведенных в другой культурный код. Так, независимость обернулась для Алжира разочарованием, регрессом и «замораживанием» коллективной идентичности. Состояние стагнации Картаго-Алжира выражено в романе через диалектику «старого» (преданные забвению традиции, разрушение города) и «нового», построенного на идентификационных симулякрах («новая страна», «новый человек», «новый язык»). Жестокость Востока проявляется в его тенденции к саморазрушению и отказу от прогрессивного развития, провозглашению ценности ложных коллективных идентичностей (например, ложная языковая идентичность), поддержании иллюзий о славном прошлом и т.д. Если в цикле Цирты акцент делается на «патологии» алжирского общества, то в романе о Синдбаде патология приобретает мировые масштабы. **3.2.3. История как вечно повторяющийся цикл жестокости.** С темой жестокости также неразрывно связана тема истории, которая представлена в романе как вечное возвращение насилия (идея, усиленная театральными метафорами: «кровавая трагедия», «спектакль насилия», «похоронная мизансцена»). Спящий, персонаж-Никто, не имеющий личной памяти, выступает в качестве хранителя памяти исторической. Роман наполнен эсхатологическими мотивами (Спящий — вестник апокалипсиса), связанными с концом истории и последующем возобновлении мира. В своих попытках избежать жестокости мира, по мнению Баши, человек, вместо того, чтобы вобрать в себя «голоса мира», стремится к полной изоляции (от изоляции в виртуальной реальности до атомной подводной лодки, мечты современных мореходов), однако этот путь — ложный. Спасти мир от жестокости смогла бы литература или путешествия как встреча с Другим (в связи с этим в романе появляются рассуждения об истинном путешественнике и о роли литературы). Для передачи этих смыслов Салим Баши вновь прибегает к «универсальным» образам западной культуры, упоминая, например, пещеру Платона. Истинная опасность мира заключается в его неподвижности, застывшем состоянии, в его склонности к категоризации, на смену

которым должно прийти осознание ценности неопределенности, размытости границ, единичного, мимолетного, преходящего — случайного момента истории, как бы невольно выхваченного объективом фотоаппарата.

В четвертой части второй главы (2.4. «Преодоление границ») выявляются предлагаемые Салимом Баши решения проблемы жестокости Востока, Запада и исторического развития мира. **2.4.1. Культура как принцип синкретичности мира.** Память, воображение, литература и искусство воспринимаются как единственно возможные факторы объединения мира в его разнообразии, поскольку они способны пересекать институциональные, национальные, религиозные и культурные границы. Они находятся вне этих границ, несмотря на то, что также могут стать жертвами институционализации и категоризации. Упоминаемые в романе «места» искусства и культуры связаны с сохранением индивидуальной или коллективной памяти, основы идентичности, и поддаются, подобно тексту, «наивной» и «критической» (У. Эко) возможностям интерпретации. Литература, основанная на свободном воображении, — лучшее средство достижения идеального состояния соприсутствия всех культур в едином пространстве, что и объясняет игру с «многонациональными» интертекстами на формальном уровне. Конфликт вытесняется диалогом, благодаря которому мир предстает не в частях, а в целостности. В то же время, интертекстуальное письмо для автора становится средством «примыкания» не только к миру литературы, но и к «мировой литературе». **2.4.3. Союз Востока и Запада.** Роман населен персонажами с двойной человеческой и сверхъестественной природой. Финальный эпизод романа говорит о союзе двух таких персонажей, Спящего и Лаллы Фатимы, которые, по некоторым намекам текста, символизируют Восток и Запад. Интерпретация заключительной сцены, основанной на принципе амбивалентности, позволяет говорить о том, что Салим Баши возлагает надежды на слияние восточной и западной культур как на один из факторов остановки цикла жестокости.

На основании романа и других текстов Баши, мы делаем вывод о том, что идеальная для автора модель мира связана с приданием ценности мобильной, подвижной идентичности абсолютного путешественника-космополита и отказом от фиксированных репрезентаций. Оппозиция Восток-Запад снимается как искусственная

конструкция, не имеющая под собой реальных оснований. Мир представляется как целостность, континуум, *totalité-monde* (Э. Глиссан), в котором более не существует бинарных оппозиций. Для Баши реальные происхождение и принадлежность не имеют значения, но заменяются понятием символической преемственности, которая может быть не только множественной, но и воображаемой.

В третьей главе «Малика Мокеддем: идентичность как пространство пограничья» мы обращаемся к творчеству франкоязычной франко-алжирской писательницы Малики Мокеддем, и, в частности, к романам «Век саранчи» и «Н'зид». Творчество Мокеддем делится на три периода, определяющихся общей тональностью письма: письмо «сказительного» типа, «злободневное» («срочное») письмо и письмо «успокоения», однако все ее романы проникнуты одними и теми же мотивами (бунт против положения женщины в традиционном магрибинском мусульманском обществе, появление персонажей с «нетрадиционной», необычной для этого общества идентичностью, зачастую гибридной и амбивалентной, номадизм в качестве идеологии — «этический номадизм», культурное, лингвистическое, гендерное и жанровое пограничье). **3.1. Автофикция как модус письма.** Основополагающим принципом письма Салима Баши является интертекстуальность, тогда как для Малики Мокеддем ту же роль играет автофикция: все произведения Малики Мокеддем содержат черты документального автобиографического повествования, сливающегося с художественным вымыслом. В этой части рассматриваются различные определения автофикции и делается вывод о том, что автофикцию нельзя назвать отдельным гибридным жанром на стыке автобиографии и автобиографического романа, но, скорее, наджанровым приемом, модусом письма. Творчество Малики Мокеддем представляет собой единый автобиографический проект (Ф. Лежен), о чем свидетельствует повторяющаяся во всех романах структура системы персонажей (главная героиня и участники ее семейной драмы: мать, отец, бабушка и т.д.), возвращающиеся мотивы (например, мотив песчаной бури), топонимы (населенные пункты в алжирской пустыне, Оран, Монпелье), различные символы, имеющие автобиографическую основу. **3.2. Век саранчи. 3.2.1. Полифония как средство деконструкции национальных предрассудков.** В романе «Век саранчи» (1992) писательница изображает алжирское колониальное общество 1930-1940-х годов в

перспективе сказки и легенды и два проблемных уровня его отношений: колонисты/колонизованные и внутри группы «колонизованных» — оппозиция мужчины/женщины в рамках патриархальной семьи. Социальные группы колониального общества представлены различными голосами, основным способом изображения которых становится прямая и несобственно-прямая речь. Полифония точек зрения призвана не только подчеркнуть общественные конфликты, но и разрушить представления о нации, культуре и различных социальных группах как об однородных, монолитных единствах. Принадлежность к нации или культуре, определяющая общественное положение, становится проблемной и амбивалентной, приобретает как положительные, так и отрицательные черты. Малика Мокеддем возлагает надежды по преодолению несправедливости традиционалистского общества на отказ от коллективных идентичностей в пользу индивидуальных по примеру ее главных персонажей: поэта-отшельника Махмуда, свободной негритянки Неджмы, их дочери метиски Ясмин, освоившей письмо вопреки традиции и т.д.

3.2.2. Женские образы и гендерная проблема. Писательницу волнует вопрос иерархии гендерных конструкций в традиционном мусульманском алжирском обществе. Излюбленный образ писательницы — волевые женщины, выступающие против семейного клана, пытающегося сохранить незыблемость устаревшей традиции. В «Веке саранчи» Малика Мокеддем рисует ряд женских образов, от самых «неподвижных», полностью соответствующих традиционному представлению (их личная идентичность стерта в едином коллективном образе хора голосов), до самых неопределенных и амбивалентных, от женщин покорных и покорившихся до бунтарок. Особая категория образов — отсутствующие женщины (мать и бабушка главного персонажа Махмуда, символический образ Неджмы, историческая фигура Изабель Эберхардт), которые становятся проводниками героев, придавая смысл их физическому и символическому странствию.

3.2.3. Новый тип идентичности. Гендерная неопределенность, пересмотр социальных ролей мужчины и женщины — одно из средств создания ризоматической идентичности персонажа в «Веке саранчи». Отказываясь от принятых типов как женской, так и мужской идентичности, соответствующих традиционной социальной репрезентации, Малика Мокеддем создает персонажей с гибридными и множественными идентичностями путем пересмотра традиционных социальных

гендерных ролей (образы Ясмин, Махмуда, Бенишу включают так «мужские», так и «женские» черты). **3.2.4. Движение в романе.** Движение в романе — это странствия главных героев и перемещения кочевников, но также этический номадизм. Как и Салим Баши, Малика Мокеддем противопоставляет фиксированности мысли «номадизм слов», представляющий собой особую форму движения, которая ярче всего выражается в художественном творчестве: музыке, устной и письменной литературной традиции и т.д. **3.2.5. Легенда.** Устное народное творчество — единственный аспект алжирской традиции, имеющий для писательницы позитивное значение, поэтому роман проникнут легендарными и сказочными мотивами, сама его структура содержит элементы сказки и легенды. Если раньше миф был связан с традиционным коллективным, то теперь большое значение приобретает и индивидуальное мифотворчество. Персонажи, наделенные индивидуальной идентичностью, способны производить и воспроизводить миф, иногда становясь героями легенд, несмотря на то, что миф по своей природе имеет коллективный, а не индивидуальный характер. Миф отрывается от традиционного общества и служит для построения индивидуальной идентичности, противопоставляющей себя этому обществу. Однако традиционное коллективное начало в мифологическом не отрицается, поскольку является источником креативного движения. Эта позиция по отношению к коллективному еще раз доказывает промежуточное положение Малики Мокеддем между западным либерализмом, ставящим акцент на индивидуальное, и восточным традиционализмом с его приматом коллективного.

3.3. «Н'зид»: ода пространству пограничья. Промежуток — лейтмотив другого романа Малики Мокеддем, «Н'зид» (2001), полностью построенного на игре символов промежуточного положения, который мы анализируем в **третьей части третьей главы**. В основе сюжета — потеря или стирание памяти, один из сквозных мотивов постмодернизма и франкоязычной литературы, где он приобретает специфическую интерпретацию: у Малики Мокеддем мотив потери памяти связан с переосмыслением личной судьбы героев в ее связи с коллективными национальными принадлежностями. Постепенное восстановление памяти героини романа после травматического события описано как символический возврат к собственным корням, переход в область сознания ранее отвергавшихся составляющих идентичности. **3.3.1. Стирание**

идентичности: портрет, растворенный в пейзаже. Стирание идентичности героини, просыпающейся в полном одиночестве на паруснике посреди Средиземного моря, представлено в романе физической потерей памяти, амнезией, и символическим слиянием с водной стихией и кораблем, что проявляется в концентрации соответствующей лексики. Тело (основа идентичности наравне с памятью) героини как бы распадается на части в связи с постоянным упоминанием его отдельных частей. Нахождение в промежуточном состоянии между смертью и новой жизнью (символика корабля) предшествует обретению полноценной идентичности вместе с ее ранее отрицавшимися сторонами, в частности, несколькими национальными принадлежностями. Параллельно Малика Мокеддем поднимает ряд традиционных для франкоязычной литературы вопросов, связанных с освобождением женского тела и переходом женщины из роли объекта в роль субъекта (функция взгляда в романе).

3.3.2. Взгляд. Героиня находится в позиции наблюдателя и испытывает на себе взгляд Другого, который возвращает ей утраченную идентичность. Все поворотные моменты романа связаны с мотивом глаз и взгляда.

3.3.3. Гендерная проблема. Гендерная проблема теряет остроту, которую она имела в «Веке саранчи», уходя на второй план, что объясняется сменой места действия, однако образ Улисса «женского рода» важен в контексте всего творчества Малики Мокеддем, которому не чужды феминистические тенденции, понимаемые как борьба за пересмотр иерархии гендеров в традиционном обществе.

3.3.4. Искусство и идентичность. Восстановление памяти героини происходит благодаря мужскому взгляду (взгляду Другого) и творчеству (рисунок), поскольку искусство стоит *над* проблемными национальными и языковыми принадлежностями, разрывающими идентичность. Роман наполнен отсылками к живописи не только на сюжетном, так на стилистическом уровне (импрессионистический стиль письма). Воображаемые панорамные пейзажи Малики Мокеддем отражают подвижность и многообразие мира.

3.3.5. Множественная идентичность как условие пограничья. Малика Мокеддем стремится утвердить ценность множественного происхождения и условный характер идентичности, не ограниченной одной единственной национальной принадлежностью, однако, в отличие от Салима Баши, наличие национальной принадлежности имеет для нее принципиальное значение. Основная идея Малики Мокеддем заключается в позитивной трактовке

маргинальности, основанной, в том числе, на множественном происхождении (как реальном, так и символическом), как пространства свободы и независимости, идеального места для наблюдения и творческого самовыражения, но также места непрекращающегося поиска и сомнений. «Промежуточная идентичность» — это пространство становления, само находящееся в становлении.

В **заключении** приводятся основные выводы работы и намечаются дальнейшие пути исследования; дается обобщающая характеристика двух типов идентичности в романах Салима Баши и Малики Мокеддем (транскультурная и пограничная идентичности), говорится о постмодернистском характере поэтики и тематики «мигритюда» и стратегических образах писателей, благодаря которым они оказываются вовлеченными в поле франко-парижского центра.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Боруруева, Н.В. Автофикция в «литературе пограничья»: автобиографические мотивы в романах Малики Мокеддем // Известия Южного Федерального университета. — Филологические науки. — 2014. — №4. — С. 35-42.
2. Боруруева, Н.В. «Литература мира» (*littérature-monde*) в иерархии мировой литературы: к проблеме определения понятия // Вестник Московского государственного областного университета. — Русская филология. — 2014. — №6. — С. 88-93.
3. Боруруева, Н.В. Проблемы и методы изучения франкофонной литературы (на примере франкоязычной литературы стран Магриба) // Ярославский педагогический вестник. — Том I (Гуманитарные науки). — 2012. — № 1. — С. 274-277.